

Р.Л. Красильников
общеобразовательная школа Центра педагогического мастерства (Москва)

О ПОЭТИКЕ РОМАНА АЛЕНА МОРНШТАЙНОВОЙ «ГАНА»

Статья посвящена роману «Гана» (2017) чешской писательницы Алены Морнштайновой, его структуре, нарративной организации, системе персонажей, ключевым темам и образам.

Современная чешская литература, Алена Морнштайнова, «Гана», роман, поэтика.

Тема Холокоста, безусловно, продолжает занимать одно из важнейших мест в современном искусстве. Вместе с тем по мере увеличения количества произведений, посвященных этому феномену, авторам все сложнее создавать новаторские тексты, выделяющиеся оригинальными содержательными или формальными находками, способные вызвать интерес у читателей и у критиков (как, например, «Благоволительницы» Дж. Литтелла, «Мальчик в полосатой пижаме» Дж. Бойна, «Даниэль Штайн, переводчик» Л.Е. Улицкой). На наш взгляд, в этот ряд неординарных романов можно поставить книгу «Гана» («Hana», 2017) чешской писательницы Алены Морнштайновой [4].

Алена Морнштайнова родилась в 1963 году в городе Валашске-Мезиржичи, училась в Остравском университете и является автором нескольких романов, таких как «Контурная карта» (2013), «Отельчик» (2015), «Тихие годы» (2018). Все они были замечены и отмечены публикой и критикой, однако наибольший успех имела именно «Гана» (2017), переведенная на более чем двадцать языков, номинированная на литературную премию Европейского банка реконструкции и развития 2021 года [1]. В России этот роман был опубликован в 2022 году в московском издательстве «Текст» в серии «Первый ряд. Современная зарубежная проза» в переводе Ксении Тименчик [8].

Успех «Ганы» привлек к ней внимание нескольких различных исследователей. Для нас, прежде всего, примечательна статья С. А. Кожиной, сотрудницы Института славяноведения РАН, «Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой)». В этой работе тексты писательницы рассматриваются в русле развития современной чешской литературы (после 1989 года), произведений 1990–2010-х годов, сложившихся локальных премий («Чешский бестселлер», «Magnesia Litera»). Книги Морнштайновой соотносятся с волной интереса к романам о «частных судьбах на фоне большой истории» [6, с. 301]. В статье также кратко характеризуются четыре основных текста писательницы – не только с точки зрения содержания, но и формальных приемов. Среди особенностей стиля Морнштайновой называются легкость повествования, наличие сильной эпической составляющей, изображение «большой истории», глубокая

психологизация персонажей [6, с. 308]. Относительно непосредственно «Ганы» С.А. Кожина пишет о функциях повествования от первого лица, сюжете с элементами тайны, рамочной композиции, отказе от сатиричности (по сравнению с другими произведениями), безэмоциональности и сухости повествования, особенностях речи (использовании нераспространенных предложений с глаголами действия), истории создания, публикации и восприятия текста [6, с. 304–305].

Кроме того, указанная статья опирается на несколько чешских рецензий и интервью, в которых содержатся аналитические выводы по поводу соответствующих романов. Среди них особенно содержательными представляются наблюдения Андреа Краликовой, сотрудника Института чешской литературы и сравнительных исследований Карлова университета в Праге. Популярность «Ганы», в Чехии опередившей по продажам детективы Ю Нёсбе, исследовательница объясняет, в частности, читабельным стилем, акцентом на межличностных отношениях, на сильной женской фигуре, привлекательной для определенной (прежде всего, женской, более склонной к чтению и идентификации себя с героиней) аудитории, «надежным» рассказчиком, уверенно ведущим читателя к разгадке всех тайн, концентрацией не на экспериментах со стилем, а на теме и персонажах [2].

Принимая во внимание наблюдения других ученых, рассмотрим особенности поэтики романа Морнштайновой «Гана».

Прежде всего, обратим внимание на сложность и оригинальность структуры произведения, которые, на наш взгляд, обеспечивают его новаторство. Роман делится на три части, каждая из которых отличается своей нарративной инстанцией и временным промежутком, что закрепляется в названиях:

Часть первая. Я, Мира. 1954–1963.

Часть вторая. Те, кто был до меня. 1933–1945.

Часть третья. Я, Гана. 1942–1963.

Уже по оглавлению становится понятно, что Морнштайнова конструирует сюжет, используя две разные нарративные инстанции (Мира и ее тетя Гана) и нарушая темпоральный порядок повествования. Подобная работа с точками зрения и временем концептуальна и нацелена на создание определенных эффектов.

Так, начало романа как будто бы противоречит его названию: первая часть посвящена главным образом не Гане, а ее племяннице Мире, представительнице послевоенного поколения. Здесь много приключений, словно и не связанных с основной проблематикой произведения: Мира нарушает запрет, идет кататься на льдинах и проваливается в воду; ее лишают пирожных, которые оказываются зараженными; ее семья почти полностью погибает во время эпидемии брюшного тифа 1954 года; ее забирает к себе вначале Ивана, подруга матери, а потом тетя Гана; она влюбляется в Густава (сына Иваны) и выходит за него замуж.

Гана в первой части появляется не сразу и кажется второстепенным персонажем, ее облик и действия (черная одежда, худоба, молчаливость, поедание хлебных крошек и корок, видения) подаются с точки зрения Миры как совершенно непонятные и даже пугающие. По сути, выбранная нарративная инстанция (как и весь событийный ряд первой части) создает известный эффект «остранения» [9, с. 154]: поначалу девочка ничего не знает о прошлом своей тети, о концлагерях и даже о евреях, репрезентируя детский, наивный, ограниченный, в какой-то мере обывательский, сконцентрированный на своих житейских заботах послевоенный взгляд на мир.

Однако по мере взросления образ Миры усложняется, по словам Ганы, ее племянница «прочитала тысячи книг и наверняка закончит университет» [8, с. 444]. Известно также, что девочка ходила вместе с мамой на кладбище почитать бабушек и дедушек. Возлюбленный Миры Густав, увлекающийся историей, разъясняет смысл номера, вытатуированного на руке Ганы. Так готовится переход к следующим частям романа, где случившиеся события и введенные персонажи обретают новые смыслы и функции.

Вторая часть – «Те, кто был до меня» – рассказ Миры о жизни ее предков в 1933–1945 годах. Следовательно, девушка заинтересовалась своей семейной историей (в первую очередь из-за общения с тетей Ганой) и смогла реконструировать ее. Повествование от первого лица здесь минимизировано, встречается только в начале и в конце части. По сути, без регулярного акцентирования точки зрения Мира превращается в «аукториального», «всеведущего» автора, хорошо осведомленного о внутреннем мире персонажей, о их мыслях и чувствах [10, с. 50].

Во второй части заглавная героиня тоже не сразу выходит на первый план. Гана стоит в ряду родственников, из которых поначалу наибольшее внимание уделяется Эльзе Гелеровой (бабушке Миры, матери Ганы). Рассказывается о смерти ее мужа Эрвина, о содержании писчебумажной лавки, о ее дочерях Гане и Розе, о дружбе с Людмилой Карасковой. Лишь после представления бабушки Эльзы внимание повествователя переключается на заглавную героиню, а точнее – на ее неудачный роман с офицером Ярославом Горачеком. На эту сюжетную линию влияет множество исторических и психологических факторов: страх перед гитлеровской Германией и ее антисемитскими законами, возможность переехать в Великобританию (по примеру дяди Рудольфа), конфликт дочери с матерью, соперничество подруг Ганы и Иваны из-за молодого человека, опасность отношений с евреями.

В итоге Ярослав женится на чешке, а семья Гелеровых, не успев оформить визы и уехать, подчинившись немецким приказам, идет грузиться в эшелон, следующий в концлагерь.

Далее рассказ Миры концентрируется на истории ее матери Розы, вновь отвлекая читателя от образа Ганы. Эльза Гелерова прячет свою младшую дочь у Людмилы Карасковой, и через какое-то время сын хозяйки Карел влюбляется в девушку. Рождением Миры (своим именем олицетворяющей наступившую мирную жизнь) в этой семье и заканчивается вторая часть.

В третьей части Я-повествование ведется от лица Ганы. Вначале описывается ее душевное состояние после войны: она считает счастьем отсутствие мыслей, поскольку ее мучают воспоминания о погибших родных, признается в невозможности говорить о своих страданиях и мечтает уйти из жизни [8, с. 343–344]. Далее перемежаются главы, посвященные пребыванию в гетто и концлагере и возвращению в родной город. В первых Гана рассказывает о новом восприятии мира после перенесенных страданий, о том, как окружающие сторонятся ее, неправильно интерпретируют ее истощенность и слабость, о встречах со знакомыми и родными, прежде всего с Розой и Мирой. В главах второго типа излагаются события, случившиеся после прибытия семьи Гелеровых к эшелону: дорога в Терезин, отправка бабушки, дедушки и матери дальше на восток (впоследствии становится ясно, что это путь к смерти), дружба Ганы с Яркой, отношения с Лео, беременность, роды и потеря сына, перевод в Аушвиц, освобождение. Завершается третья часть зеркально ее началу – общение с Мирой и ее сыном преодолевает чувство вины и пробуждает в героине желание жить.

Если присмотреться, каждая из частей вполне самостоятельна и могла бы представлять собой отдельное произведение. Вместе с тем, поскольку это не трилогия, а роман в трех частях, в нем определенным образом расставляются акценты. Истории Миры и семьи Гелеровых как будто предваряют, подготавливают (с точки зрения проблематики и способа повествования) восприятие главного – рассказа Ганы о гетто, концлагере и возвращении в обычную жизнь, то есть о примере личного переживания Холокоста и его последствий. Концептуальным представляется решение Морнштайновой не вкладывать нарратив заглавной героини в чужие уста, а сменить точку зрения и дать возможность персонажу повествовать о пережитом от первого лица. С одной стороны, только описание «изнутри» способно передать весь ужас, всю трагедию жизни Ганы, и смешение двух типов глав – о настоящем и прошлом – в третьей части делает текст фрагментарным, обрывочным (что вполне соответствует состоянию женщины). С другой стороны, очевидно, что героиня не может и не хочет рассказывать обо всех подробностях даже ставшей родной Мире. Ведь нередко выживание в нечеловеческих условиях было связано с поступками, непроситительными с точки зрения общепринятой морали (пусть даже непреднамеренными). Например, Гана различными способами избегала повестки на эшелон, означавшей уничтожение, и вместо нее на смерть отправлялся кто-то другой; она зарабатывала еду своим телом и т.д.

Кроме того, история Миры оказывается нужна для истории Ганы. В конце романа героини приходят в одну временную точку – 1963 год. Их судьбы и мировоззрения разные, однако между женщинами устанавливается тесная связь, создающая у читателя ощущение небезнадежного финала. Они обе чудом остались в живых, последние из их рода, они привыкают друг к другу, благодарны друг другу. Забота о племяннице и ее сыне дает Гане силы жить, хотя она и считает себя виновной в гибели семьи Розы, поскольку именно она угостила родственников зараженными сладостями. Тесная связь персонажей подчеркивалась и на первой обложке романа, где под названием было изображено пирожное, вокруг которого в четырех вопросах писательницей был зашифрован акроним МИРА: «Maminka má narozeniny», «Ironie osudu», «Rozhlas hlásí smrt», «A co budu dělat já?» («Мама празднует день рождения», «Ирония судьбы», «Радио сообщает о смерти», «А что делать мне?»») [6, с. 306].

Непросто организованная нарративная и темпоральная структура, безусловно, способствует достижению Морнштайновой одного из ее основных художественных принципов: читатель должен постоянно оказываться перед лицом каких-либо тайн, загадок, недоговоренностей, которые проясняются только на последующих страницах произведения, а все точки над *i* расставляются и вовсе лишь в финале. При этом перед нами не развлекательный детектив, но серьезный роман на тему Холокоста, и появление загадок обусловлено преимущественно ограниченностью точек зрения, выбранных для повествования.

Можно заметить и другие нарративные приемы, используемые Морнштайновой непосредственно в ткани повествования и поддерживающие читательский интерес. Например, в самом начале романа Мира говорит: «Будь я образцовой дочерью, мое имя сейчас было бы выгравировано на надгробной плите» [8, с. 9]. В дальнейшем эта фраза становится понятна: если бы девочка не нарушила запрет ходить к реке, она бы съела пирожное и погибла вместе с родными. Перед нами классическая фигура пролепсиса, отсылка вперед [5, с. 100], в загадочной форме передающая суть последующих событий.

В этом же предложении упоминаются «бабушка Эльза и дедушка Эрвин, которые умерли задолго до моего рождения, или бабушка Людмила и дед Моймир, на могиле которых мы с мамой всегда зажигали свечи» [8, с. 9]. И это уже фигура аналепсиса, отсылки назад [5, с. 83], намекающая на последующий рассказ о прошлом. Здесь и далее Морнштайнова умело использует «анахронические» модальные конструкции, либо помещая персонажей (и читателя) в ситуацию выбора как «пучка возможных траекторий дальнейшего развития событий» [7, с. 424], либо проговаривая фразы, которые требуют объяснения, нового витка наррации. С самого начала тексту свойственна информационная и событийная «плотность» (пространные описания и абстрактные рассуждения практически отсутствуют), обеспечивающая устремленность повествования вперед. Другими словами, умение Морнштайновой держать читателя в напряжении, вызывать в нем интерес в немалой степени опирается на разработанную ей форму.

Усилению подобных эффектов способствует и проблематика романа. Читательские ожидания, безусловно, «подогреваются» обращением к конкретным историческим событиям. Живущая в Чехословакии еврейская семья Гелеровых долгое время не может принять решение, стоит ли бросить все нажитое имущество и переселиться в Великобританию. Гана размышляет в 1937 году: «Зачем кому-то война? Не стоит зря беспокоиться. Старики напуганы воспоминаниями о Великой войне и все видят в черном свете. Но Гитлер все-таки в Германии, а Гелеровы живут тут, в Чехословакии. Если он и захочет распространиться дальше, армия и союзники быстро подрежут ему крылья» [8, с. 178]. Таким образом, история тоже становится фактором саспенса: знания о Второй мировой войне и Холокосте, связанные с экзистенциальными мотивами опасности и смерти, заставляют читателя предугадывать дальнейшие драматические события и заранее переживать трагедию персонажей, так и не успевших уехать.

Морнштайнова раскрывает эти проблемы на локальном материале – истории ее родного города Валашске-Мезиржичи. Значимость данного факта подчеркивается эпиграфом «Моему городу». Вместе с тем в романе нет прославления Валашске-Мезиржичи, но есть непростое проживание и изживание исторической травмы, которая коснулась этих мест. Холокост становится своеобразной «лакмусовой бумажкой» для жителей города: большинство из них поддерживают антисемитскую политику, и лишь некоторые (Людмила Караскова, Алоис Урбанек) находят в себе мужество помогать евреям. Возникает эта проблема и в послевоенное время: по требованию матери Миру перестает звать в гости ее подруга Ярмила.

Хотя в романе присутствует описание городского пространства (конечно, узнаваемое жителями Валашске-Мезиржичи), основными значимыми топосами становятся дома Гелеровых и Карасковых. В духе соответствующей литературной традиции эти пространства олицетворяют собой родственные связи, защиту и заботу, семейную историю. Пустота домов во время войны и эпидемии символизирует разрушение семей, а появление в них новых поколений (Миры и ее сына) – надежду на продолжение жизни.

Морнштайнову интересует также историческая травма самих евреев. В одном из своих интервью писательница рассказала о влиянии на нее бесед с людьми, пережившими Холокост, собранных в 1980-е годы по инициативе режиссера фильма «Список Шиндлера» Стивена Спилберга. Евреи испытывали вину за то, что они выжили, а их родные и знакомые нет, и поэтому долгое время не хотели говорить о пережитом [3]. Подобные чувства есть и у Ганы, считающей себя виновной в смерти матери, Лео и сына, рожденного в концлагере [8, с. 423–424].

Еще одним историческим событием, положенным в основу первой части романа, стала эпидемия брюшного тифа, случившаяся в Валашске-Мезиржичи в 1954 году. В уже упомянутом интервью Морнштайнова рассказала, что узнать об этом событии ей удалось из городской хроники и медицинского отчета. В прессе об эпидемии не писали, так как она подрывала авторитет властей, только после трагедии обуст-

роивших канализационную систему. С этим событием была связана и семейная история писательницы: ее бабушка (подобно Гане) выпала из окна больницы, но осталась жива [3].

Немаловажную роль в романе играет и описание послевоенной социалистической Чехословакии. Мира сравнивает шествия во время празднования годовщины Великой октябрьской революции с похоронами [8, с. 132]. Ее возлюбленный Густав интересуется «тайнами, запрятанными в прошлом» [8, с. 134], выступает против «уравнительного строя», спорит с учителем истории по поводу научных достижений одного из партийных деятелей. В конце концов Горачек выгоняют из школы, и он вместо исторического факультета отправляется в армию. Хронология романа заканчивается 1963 годом, но можно представить, что происходило с такими людьми в 1968 году, во время и после вторжения в Чехословакию войск стран Варшавского договора. Послевоенное общество также стремится не обсуждать недавнее прошлое, предлагая забыть о нем и бывшим узникам концлагерей.

Как видим, Морнштайнова считает необходимым актуализировать неудобные страницы локальной истории, не щадя чувства своих земляков-современников, и одновременно вносит вклад в опыт осмысления истории мировой, ее больших и важных тем.

При этом, как уже ранее отмечали литературоведы, Морнштайнова старается органично соединить историческое и личное. Семья Гелеровых не уезжает в Великобританию не столько потому, что не разбирается в политике, сколько потому, что Гана не может расстаться со своим возлюбленным Ярославом и не отправляет вовремя письмо, необходимое для получения визы. Заглавная героиня выживает во время эпидемии тифа 1954 года, поскольку переболела им в концлагере. Персонажи у Морнштайновой оказываются в эпицентре исторических событий по причине непредсказуемых случайностей, о которых они могут так и не узнать. Некоторые открытия становятся неожиданными и для читателя: например, вероятное единокровное родство Миры и Иды и, конечно же, покупка Ганой пирожных, оказавшихся зараженными.

У личного, сквозь призму которого воспринимается историческое, есть важная особенность – гендерная, проявляющая и в системе персонажей, и в нарративной организации произведения. В романе доминируют женские образы: Гана, Роза (сестра Ганы), Мира (дочь Розы), Эльза Гелерова (мать Ганы и Розы) могут считаться главными героинями, второстепенными – Ивана Горачкова (подруга Ганы, вышедшая замуж за ее возлюбленного), Ида Горачкова (дочь Ивана), Ярмила Стейскалова (подруга Миры), Людмила Караскова (подруга Эльзы, спасшая Розу), Ярка (подруга Ганы в концлагере) и др. Практически все сюжетные ситуации разворачиваются и развиваются благодаря этим персонажам. Мужские образы – Ярослав Горачек (возлюбленный Ганы и муж Ивана), Карел Карасек (отец Миры), Густав Горачек (муж Миры), Лео (возлюбленный Ганы в концлагере), Алоис Урбанек (помощник в магазине Гелеровых) и др. – гораздо менее деятельны, нередко не сопротивляются обстоятельствам и предпочитают плыть по течению. Таким образом, основное место в романе отводится женско-

му миру, репрезентируемому с самых разных точек зрения – девочки, девушки, жены, вдовы, дочери, сестры, матери, любовницы и т.д. Безусловно, этот факт накладывает свой отпечаток на описание и исторического, и личного: Ивана выигрывает у Ганы борьбу за Ярослава в контексте преследования евреев, заглавная героиня выживает в концлагере благодаря связи с Лео (и советам Ярки, осуждаемой другими женщинами за распутное поведение), Роза, укрываемая Карелом Карасиком (поначалу неохотно), выходит замуж за своего спасителя. Многие эпизоды романа гендерно окрашены: мечты о замужестве, соперничество девушек из-за Горачека, беременность и роды Ганы и Миры, положение женщин в Терезине, в Аушвице и т.д.

Личное в романе опирается на психологизм, воплощенный в подробном описании душевных переживаний персонажей: их размышлений и эмоций, планов и воспоминаний, надежд и разочарований, любви и неприязни, страхов и смелости, радости и горя, наконец, чувства вины, испытываемого Ганой, как лейтмотива произведения. Эта особенность текста тесно переплетена с соответствующей нарративной организацией (Я-повествованием и анахроническими отсылками) и феминистическим дискурсом (традиционно связываемым с приоритетом эмоционального).

Таким образом, подводя итоги, отметим, что роман Алены Морнштайновой «Гана» предстает хорошо продуманным, тщательно сконструированным текстом, где содержание и форма крепко «спаяны» друг с другом, «работают» друг на друга. Распространенные, но актуальные темы (Холокост, локальная история на фоне мировой, историческая травма, женские судьбы) органично воплощаются писательницей с помощью оригинальной сложной структуры (в том числе концептуальной смены точек зрения, нарушения темпорального порядка, анахронических отсылок), что позволяет одновременно увлекать читателя постоянными загадками и вести серьезный просветительский разговор, то есть умело балансировать между массовой и высокой литературой.

Литература

1. Alena Mornštajnová // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alena_Mornštajnová (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.
2. Horký, P. Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat / P. Horký // Respekt. 26.2.2020. – URL: <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.
3. Jandrová, L. Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jím velmi ublížit i pomoci / L. Jandrová // Novinky.cz. 28.07.2019. – URL: <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.
4. Mornštajnová, A. Hana / A. Mornštajnová. – Brno : Host, 2017. – 310 s.
5. Женетт, Ж. Фигуры: работы по поэтике : в 2 томах / Ж. Женетт. – Москва : Издательство имени Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 469 с.
6. Кожина, С. А. Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой) / С. А. Кожина // Славянский альманах. – 2021. – № 3–4. – С. 296–310.

7. Лотман, Ю. М. Смерть как проблема сюжета / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 417–430.

8. Морнштајнова, А. Гана / А. Морнштајнова ; перевод с чешского К. Тименчик. – Москва : Текст, 2022. – 446 с.

9. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [главный научный редактор Н. Д. Тмарченко]. – Москва : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.

10. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста / В. И. Тюпа. – Москва : Академия, 2006. – 331 с.

R.L. Krasilnikov

ABOUT THE POETICS OF ALENA MORNŠTAJNOVÁ'S NOVEL *HANA*

The article is devoted to the novel *Hana* (2017) by the Czech writer Alena Mornštajnová, its structure, narrative organization, character system, key themes and images.

Modern Czech literature, Alena Mornštajnová, *Hana*, novel, poetics.